

Предисловие: На грани возможного

В истории освоения космоса есть страницы, которые десятилетиями оставались в тени громких побед. Одной из самых тяжелых и неоднозначных стала драма экипажа «Союза-23» в октябре 1976 года. Эта реальная история послужила лишь фундаментом, на который была нанизана фантазия автора, превратившая документальные факты в полотно альтернативной истории.

Данная работа — плод воображения, который не претендует на историческую точность и намеренно не имеет прямого отношения к реальной биографии космонавтов. Мы использовали канву событий на озере Тенгиз как основу, чтобы смоделировать допущение: что случилось бы, если бы ситуация на орбите и при посадке пошла по самому катастрофическому сценарию.

Важно подчеркнуть: космическая станция «Горизонт», все действующие лица и сама последовательность аварий, описанная в рассказе — это полный вымысел и плод авторского воображения. Это сделано сознательно, чтобы сюжет не пересекался с реальными событиями и не претендовал на документальность. Это исследование человеческого духа в условиях полной, абсолютной неудачи техники.

Почему была выбрана именно эта история?

Ответ кроется в самой географии. Автор этой работы живет на территории современного Казахстана, и эта история — наша, местная, выросшая корнями в солончаки и степные ветры. Хотя в летописи Союза было немало аварийных посадок в разных регионах, именно трагедия на Тенгизе ощущается ближе и острее. Это рассказ о нашей земле, которая приняла на себя удар остывающего металла.

В процессе работы над рассказом существовал вариант финала с трагическим завершением спасательной операции. В основе сюжета могли лежать истории тех, кому «не повезло», кто остался в ледяной пустоте или в железном плену капсулы навсегда. Однако в итоге мы решили двигаться по каркасу истории, взятой за основу, сохранив жизни героям, но показав, какой непомерной ценой это спасение было достигнуто.

Именно поэтому в повествование были введены новые персонажи и созданы вымышленные ситуации со станцией «Горизонт», не зафиксированные в официальных архивах. Это позволило нам показать историю в ином ракурсе, где за каждой секундой промедления стоит жизнь человека.

Эта работа написана для тех и ради тех, кто возвращался из бездны, когда шансов почти не оставалось. И ради тех, кто, вопреки всем расчетам, так и не смог долететь до своей цели, оставшись в ледяной тишине.

Это история о соленой воде, бракованном литье и воле, которая оказалась крепче титановой брони.

автор

Афанасьев.В.И

Глава 0: Плохие приметы

Байконур в тот день дышал не триумфом, а колючим степным ветром и пылью. Степан Иванович молча смотрел в окно старого «ЛАЗа», везущего их к стартовой площадке. На коленях лежал гермошлем, в котором отражалось низкое, свинцовое небо.

Валера рядом пытался травить анекдоты, но смех выходил сухим и сразу тонул в гуле двигателя. И тут это случилось.

Мотор автобуса сначала чихнул, потом захлебнулся и, издав предсмертный металлический лязг, замолк. Машина по инерции прокатилась десяток метров и замерла посреди пустой бетонки. Тишина, ворвавшаяся в салон, была такой плотной, что её, казалось, можно было потрогать руками.

— Приехали... — прошептал кто-то из техников в глубине салона.

Степан и Валера переглянулись. В мире, где каждый шаг выверен годами тренировок, заглохший по дороге к ракете автобус — это не просто поломка. Это был последний крик самой судьбы: «Остановитесь!». Но маховик государственного плана уже раскрутился, и остановить его было невозможно.

Предчувствие беды не обмануло. С самого момента стыковки всё пошло наперекосяк. Как только люки открылись и они переплыли на борт станции, Степан почувствовал: «Горизонт» их не ждал.

Внутреннее пространство встретило их странным, густым запахом — смесью застоявшегося озона, горелой изоляции и чего-то сладковато-приторного, от чего сразу начинало першить в горле.

— Что за вонь? — Валера поморщился, включая систему регенерации воздуха на полную мощность.

— Пыль горит на фильтрах, — буркнул Степан, хотя сам понимал: запах другой. Более тяжелый.

Но запахи были только началом. На третий день начались сбои по всей телеметрии. То в жилом отсеке внезапно гас свет, оставляя их в абсолютной, звенящей тьме на несколько секунд, то по корпусу пробегала странная вибрация, похожая на далекий скрежет металла о металл.

— Иванович, посмотри на приборы, — Валера кивнул на пульт управления.

Стрелки индикаторов мелко дрожали, выписывая безумную амплитуду. На экранах то и дело пробегали полосы помех, а динамики связи иногда выдавали короткий, режущий ухо свист, как будто кто-то чужой пытался вклиниться в их закрытый эфир.

— Наводки? — спросил Валера.

— Черт его знает. Такое ощущение, что станция вся наэлектризована. Волосы на руках дыбом встают.

Степан прикоснулся к металлической переборке, и его тут же чувствительно ударило статическим разрядом. Он посмотрел на свои пальцы. Станция жила своей жизнью — она скрипела, воняла горелым пластиком и то и дело «радовала» отказами второстепенных систем. Они латали одну дыру, а в другом конце отсека тут же начинала свистеть другая.

Это была не работа, а бесконечное ожидание удара. И удар этот уже созрел где-то в недрах их собственного корабля, спрятанный под обшивкой, дожидаясь своего часа

Сон на станции «Горизонт» никогда не был глубоким. В тесном пространстве, где каждый кубический сантиметр был забит гудящими серверами, релейными стойками и жгутами проводов, тишина считалась самым тревожным признаком. Но в этот раз тишины не было. Сначала пришел запах. Он впелся в сон Степана липкой, приторно-сладкой нитью — так пахнет перегретая изоляция, смешанная с химически

острым ароматом лития. Командир дернулся в спальном мешке, пытаясь вдохнуть, но вместо привычного консервированного воздуха зачерпнул легкими едкую сухую взвесь. — Валера... — хрипло выдавил он, еще не открыв глаз. Голос утонул в вязком тумане, который уже начал заполнять жилой отсек.

Ответа не последовало. В жилом модуле царила абсолютная, неестественная тьма. Дежурное освещение «выбило» подчистую, словно кто-то разом перерезал все силовые кабели. И в эту секунду «Горизонт» ожил в своем предсмертном крике. — И-И-И-И-И! —

Злой, надрывный зуммер аварийной системы ударил по перепонкам, заставляя виски лопаться от пульсирующей боли. Это не была мягкая побудка — автоматика орала о том, что станция связи умирает. Красный проблесковый маяк над гермолюком начал рвать темноту ритмичными вспышками, выхватывая из пустоты куски хаоса: летающие в невесомости капли конденсата, сорванные со своих мест планшеты и густые клубы сизого дыма, которые лениво, по-хозяйски вываливались из вентиляционных решеток. — Степа! Горим! — голос Валеры донесся откуда-то снизу, из навигационного узла. Его силуэт, подсвеченный багровыми всполохами, метался в узком проходе. Инженер судорожно втискивался в полетный костюм, на ходу затягивая фиксаторы и борясь с непослушными в невесомости штанинами.

— Аккумуляторы! — Степан рванул молнию мешка, чувствуя, как сердце колотится где-то в самом горле. — Весь хвостовой отсек в КЗ! Термический разгон, Валера! Половина питания ушла в мусорку за секунды!

Он глянул на резервную панель управления, которая еще тлела слабым оранжевым светом на остатках заряда конденсаторов. Цифры на жидкокристаллических индикаторах падали с сумасшедшей скоростью, словно секундомер, отсчитывающий время до взрыва. Станция теряла энергию, а вместе с ней — управление, связь, ориентацию и самую возможность дышать.

— К спускаемому! Живей, мать твою! — Степан с силой оттолкнулся от переборки, пролетая через жилой модуль. Дым в коридоре стал настолько плотным, что глаза начало резать, как от кислоты. — ЦУП надо предупредить, сейчас эта стотонная дура начнет загребать атмосферу и развалится к чертям!

Они ввалились в радиорубку, забитую оборудованием мониторинга. Здесь было жарче всего. За тонкой стенкой, в техническом коридоре, уже слышалось утробное шипение — литий горел без пламени, выжигая металл изнутри. Степан ударил кулаком по клавише экстренной трансляции, вжимаясь плечом в холодную обшивку радиолокационной стойки.

— ЦУП, я «Горизонт»! Пожар в аккумуляторном отсеке! Потеря энергоснабжения — шестьдесят процентов и растет! Ориентация потеряна, гироскопы «поплыли»! Повторяю: сто тонн металлолома сходят с орбиты! Принимайте метку эвакуации, мы уходим в аппарат!

Динамик, вместо привычного голоса дежурного оператора, ответил лишь сухим, издевательским треском статики. Радиостанции «Горизонта» захлебывались в наведенных помехах от плавящейся электроники. Высоковольтные дуги внутри станции превращали эфир в какофонию шумов.

— Валера, книги! Бортовой журнал хватай! — крикнул Степан, перекрывая вой зуммера.

Инженер, задышавшись и кашляя, уже выдирал из специальных магнитных зажимов тяжелый планшет с расчетами, навигационными картами и журналами смен. Это была единственная ценность, которую они могли спасти. Всё остальное — личные письма,

фотографии семей, приклеенные к стенам, уют обжитой за три месяца «консервной банки» — всё это сейчас пожирал невидимый огонь за переборкой.

— Есть журнал! — выдохнул Валера, прижимая планшет к груди.

Они буквально «ввинтились» в тесный переходной люк спускаемого аппарата. Внутри маленькой капсулы было еще темнее, но этот мрак казался спасением. Степан схватился за штурвал задрайки. Металл люка уже ощутимо жег ладони даже через плотные перчатки комбинезона. Тяжелый стальной блин встал на место с коротким, окончательным лязгом. Герметизация. Они отсекли себя от станции, которая была их домом, их крепостью, а теперь превратилась в огромный пылающий факел, летящий к Земле.

— Подготовка к отстрелу! — Степан рухнул в командирское кресло, затягивая привязные ремни одним резким движением. — Валера, ориентация только ручная! Автоматика сдохла вместе с главным процессором станции. Сейчас нас так швырнет, что мало не покажется. Главное, чтобы пироболты не заклинило от этой жары.

Степан сорвал прозрачный предохранительный чехол с красной кнопки экстренного разделения. В крохотном иллюминаторе сбоку стремительно пронеслась Земля — огромный, равнодушный океан, скрытый ночной тенью и редкими огоньками городов, которые даже не подозревали, что над ними разыгрывается трагедия.

— Пошел! — Степан до упора вдавил кнопку.

Гулкий, металлический взрыв, отозвавшийся в костях, сотряс капсулу. Это сработали пиротехнические заряды, перерубая стальные связки, державшие аппарат в брюхе «Горизонта». Мощные пружины вытолкнули капсулу наружу, придавая ей импульс ухода.

В первые секунды их накрыла тишина. Но эта тишина была обманчивой. Через мгновение в иллюминаторе они увидели свою станцию. Она больше не была гордым «Горизонтом», острием технической мысли. Теперь это был беспорядочно вращающийся обломок, окутанный ореолом из искр и вырывающихся из пробоин струй газа. Огромные крылья солнечных батарей коржились и сворачивались, как сухие листья в костре. Стотонная громадина начала заваливаться на левый борт, всё глубже врезаясь в разреженный воздух термосферы.

— Мы в свободном падении, — тихо, почти шепотом произнес Валера, глядя на приборы, которые едва теплились от внутренних аккумуляторов капсулы. — И, Степа... кажется, мы отстрелились слишком поздно. Скорость падает слишком быстро. Нас уже тянет вниз, причем по баллистике.

Степан молчал, вцепившись в рычаги управления. Он знал, что это значит.

Баллистический спуск — это когда ты не летишь, а падаешь, как брошенный камень. Это значит, что перегрузки будут запредельными, а место приземления определит не штурман, а слепая гравитация.

— Держись, — только и сказал он, глядя на розовое свечение, начавшее облизывать края иллюминатора. — Начинается.

Снаружи капсулы послышался первый, едва различимый свист. Воздух, которого там не должно было быть, начал тереться о теплозащиту, превращая кинетическую энергию в первобытный жар. Где-то под ними, в темноте казахстанских степей, уже проснулось озеро Тенгиз, еще не зная, что через несколько часов оно станет их последним рубежом.

Степан сжал рычаги управления с такой силой, что костяшки пальцев побелели, а суставы отозвались сухим треском. Капсулу начало трясти — сначала мелко, зудяще, а затем всё более размашисто и грубо. Это первые, едва осязаемые струи атмосферы пробовали на вкус их маленькое убежище, превращая кинетическую энергию в первобытный, яростный жар. В кабине, рассчитанной на двоих, становилось нестерпимо тесно от запаха пота, озона и страха, который каждый из них пытался загнать поглубже в подсознание.

— Валера, аварийный передатчик на максимум! — скомандовал Степан, перекрывая нарастающий, воющий свист за бортом. — Плевать на секретность, плевать на кодировку «Горизонта». Ори в эфир на всех частотах. ЦУП должен знать, что эта стотонная дура не просто падает, а идет по непредсказуемой кривой. Если она рухнет на жилой поселок, нам это на том свете не зачтется.

Инженер судорожно, почти вслепую щелкал тумблерами на резервной панели связи. Маленький монохромный экранчик мигал, выдавая каскад ошибок по питанию. Валера чувствовал, как под комбинезоном по спине катится холодная капля пота, хотя в капсуле уже становилось жарко, как в предбаннике.

— Степа, «Горизонт» прямо за нами хвостом идет! — Валера на секунду прильнул к иллюминатору и тут же отпрянул: за толстым стеклом бушевало адово пламя. — Станция разваливается! Ошметки летят во все стороны! Если нас сейчас зацепит обломком солнечной панели или куском фермы — никакая теплозащита не спасет. Нас просто срежет, как консервным ножом, и выпотрошит в вакуум!

Степан не отвечал. Его взгляд был прикован к гироскопу, который медленно, словно нехотя, выравнивал их относительно горизонта планеты. Командир пытался поймать тот самый, единственный момент, когда нужно дать импульс двигателями ориентации. Ошибка в долю секунды — и они либо сгорят заживо, превратившись в яркую искру в ночном небе, либо «срикошетят» от плотных слоев атмосферы обратно в бездну, но уже без единого шанса на маневр и возвращение.

— ЦУП, я «Беркут»! — Валера почти кричал в микрофон ларингофона, вжимаясь в кресло. — Кто слышит? «Горизонт» мертв! Станция неуправляема! Идем по баллистической траектории. Точка входа смещается на восток, повторяю — на восток! Дайте подтверждение! Слышите нас?! Слышите?!

В ответ из динамиков доносился только издевательский, равнодушный свист и сухой треск статики. Казалось, сама Земля, такая огромная и близкая, решила отгородиться от них непроницаемой стеной радиопомех. Степан чувствовал, как капсулу начинает закручивать. Центробежная сила мягко, но уверенно прижимала его к боку ложементы.

— Приготовиться к маневру! — рявкнул Степан. — Попробую увести нас в сторону от траектории станции. Мы должны разойтись с «Горизонтом», иначе он нас накроет обломками прямо в воздухе. Если сядем в эпицентре падения этой груды железа — нас и искать будет некому, там воронка будет в полкилометра глубиной.

Пальцы командира легли на джойстик ручного управления. Двигатели мягко отозвались — короткие, сухие толчки сжатого газа «пшикали» в пустоту, пытаясь развернуть многотонную капсулу. Спускаемый аппарат неохотно, словно старая баржа, начал менять угол атаки. В иллюминаторе розовое свечение сменилось густо-красным, кровавым. Температура внутри росла с каждой секундой. Ткань костюмов начала неприятно липнуть к телу, а в воздухе появился характерный, тошнотворный запах разогретого металла и паленой резины.

— Мало тяги, Степа! Давление в магистралях падает! — Валера в ужасе смотрел на индикатор топлива. — Если сейчас всё сожжем на этот чертов маневр, на торможение в нижних слоях ничего не останется! Мы в лепешку расшибемся об планету!

— Либо в лепешку, либо в печку, — отрезал Степан, его голос звучал как скрип ржавого металла. — Держись, напарник, сейчас будет первый пик.

Он дал затяжной, последний импульс. Капсулу тряхнуло так, словно в неё на полном ходу врезался товарный состав. Валера вскрикнул, когда чудовищная невидимая рука вдавила его в кресло, выбивая воздух из легких. Лица парней начали

деформироваться под тяжестью перегрузки: щеки оттянуло к ушам, веки стали свинцовыми, а зрение подернулось мутной серой пеленой. Снаружи бушевала плазма — три тысячи градусов ярости, которые пытались лизнуть их через многослойный титан и керамическую плитку обшивки.

В этот момент «Горизонт», их бывший дом, их небесный пост, решил попрощаться. Огромный кусок станции — вероятно, радиорелейный блок — пронесся всего в паре десятков метров от капсулы, охваченный ослепительным белым пламенем. Ударная волна в разреженном воздухе подбросила аппарат, заставляя его кувыркаться.

— ЦУП... — прохрипел Валера, теряя сознание от нахлынувшей тяжести, когда 7G превратились в 9G. — Мы... падаем... в воду... Простите...

Степан, преодолевая дикую боль в груди, видел, как стрелка высотомера сошла с ума, вращаясь против часовой стрелки. Они падали не в расчетную степь, не в мягкие солончаки. Расчеты в голове командира, подкрепленные ледяным спокойствием обреченного, выдавали страшную правду: из-за вынужденного маневра и слишком позднего расставания со станцией их вынесло далеко за пределы полигона. Под ними, скрытое метелью, ночным мраком и ледяными торосами, раскинулось зеркало Тенгиза — мертвого, соленого озера, которое не прощало ошибок даже тем, кто падал с самих звезд.

— В воду, — повторил Степан, задышавшись под весом запредельной перегрузки. — Главное, чтобы лед пробило... Если останемся на льду — замерзнем к утру. Если уйдем под воду — задохнемся. Выбирай, Валера...

Снаружи раздался первый удар, за которым последовал оглушительный хлопок — это сработал пиропатрон отстрела крышки парашютного контейнера. Но вместо спасительного рывка основного купола они слышали только странный, тонкий, звенящий звук: «Дзынь!». Словно лопнула струна на гигантской стальной гитаре.

Степан похолодел. Он знал этот звук. Это лопнул один из силовых тросов вытяжного механизма, перекаленный жаром плазмы и не выдержавший рывка на запредельной скорости.

Капсулу дернуло, она завалилась на бок и с воем устремилась вниз, в непроглядную черноту казахстанской ночи, навстречу ледяным объятиям Тенгиза.

Эфир, который до этого момента казался мертвым, забитым помехами и издевательским свистом раскаленной плазмы, внезапно лопнул. Сквозь какофонию статических разрядов и гул, от которого закладывало уши, прорвался далекий, искаженный до неузнаваемости, но такой пронзительно живой голос оператора. Это был голос из другого мира — мира, где была твердая земля под ногами и воздух, которым можно дышать.

— «Беркут», я — Заря! «Беркут», слышу вас! Наблюдаем сход объекта «Горизонт» с орбиты! Наблюдаем множественные фрагменты! Вас видим на радарх, идете с огромным перелетом! «Беркут», ответьте Заре!

Степан выдохнул, и этот выдох был похож на стон облегчения. Он почувствовал, как кислород в капсуле, перемешанный с гарью и запахом пережатой изоляции, становится слаще самого дорогого вина. Они не были одни в этой пустоте.

— Заря, я — «Беркут»! — прохрипел командир, изо всех сил вжимая ларингофон в шею, чтобы голос не дрожал от перегрузки. — Подтверждаю: станция «Горизонт» — всё, в мусорку! Пожар в аккумуляторном отсеке, неуправляемый термический разгон батарей. Весь хвостовой блок полыхнул. Мы отстрелились в ручном режиме, когда переборки начали течь. Автоматика сдохла вместе с главным процессором. Идем на баллистике, ориентация нарушена. И самое паршивое — у нас ЧП с парашютной системой. Был характерный хлопок, один силовой трос вытяжного механизма ушел! Слышите меня?!

В ЦУПе на мгновение повисла такая густая тишина, что Степану показалось, будто связь снова оборвалась. Там, на Земле, в теплом зале, залитом светом ламп, люди в белых халатах и погонах сейчас замерли перед экранами. Секунды текли, как густой мед, пока баллистики судорожно пересчитывали траекторию падающего огненного шара.

— «Беркут», приняли вас! — голос оператора Зари вернулся, но теперь он был сухим, жестким и пугающе официальным. — По нашим данным, вы идете в квадрат «Озеро». Повторяю, «Беркут», точка вашего приземления — озеро Тенгиз. Там сейчас штормовое предупреждение, метель, видимость практически нулевая. Лед на озере неустойчивый, каша из соленой воды и ледяных торосов. Поисковые группы уже подняты по тревоге, из Каргалжина выходят вездеходы на широком ходу. Но метель... Степа, метель бьет по авиации. Вертолеты на пределе.

— Какое еще озеро?! — Валера, до этого момента находившийся в полуобморочном состоянии, внезапно очнулся и в ужасе уставился на командира. — Степа, мы же в степь должны были сесть! Мы в этой соленой луже утонем! Капсула не рассчитана на долгое плавание, у нас дым в отсеке, если люк водой придавит — мы не выйдем! Заря, мы захлебнемся в этой консервной банке!

— Тихо, Валера! Экономь воздух! — Степан жестко пресек панику напарника, хотя внутри у него самого всё ледяно. — Заря, я «Беркут». Слышим вас. Поняли, что идем в воду. Будем пытаться стабилизировать аппарат до самого удара, чтобы войти под углом. Что по «Горизонту»? Эта стотонная дура не на нас падает? Мы не хотим, чтобы нас накрыло обломками собственной станции в воде.

— «Беркут», «Горизонт» окончательно развалился на три крупных фрагмента на высоте сорока километров, — ответила Заря, и в её голосе проступили человеческие нотки сочувствия. — Основная масса железа и солнечные панели упадут южнее, в солончаки. Вы чисты. Но ваша вертикальная скорость выше расчетной из-за поврежденного парашюта. Спуск будет жестким. Очень жестким. Поисковики видят вашу вспышку в небе, они идут на перехват по азимуту, но видимость... Ребята, держитесь за всё, что можно.

— Понял вас, Заря, — Степан закрыл глаза на мгновение, чувствуя, как капсулу начинает бить о плотные слои воздуха, словно огромным молотом по наковальне. — Будем ждать на берегу... ну или под водой. Передайте поисковикам — пускай берут самые мощные лебедки и тросы подлиннее. Мы в этом Тенгизе надолго задерживаться

не планируем. Сообщите женам... хотя нет, ничего не сообщайте. Сначала вытащите нас.

— Держитесь, мужики, — голос оператора дрогнул, и на заднем фоне Степан услышал чей-то резкий приказ и шум беготни. — Мы вас вытащим. Любой ценой. Вся область поднята. Вы только дышите.

Связь снова начала захлебываться помехами. Капсула окончательно вошла в плотные, ледяные слои атмосферы Казахстана. Степан видел в боковом иллюминаторе, как огненный ореол плазмы, сопровождавший их с орбиты, начал тускнеть, сменяясь густым черным дымом от обгорающей теплозащиты. Снаружи ревел уже не космос, а ледяной яростный ветер Земли. Внизу, скрытое за сплошной стеной снегопада и ночного мрака, уже ждало черное пятно Тенгиза — мертвое озеро, готовое принять своих звездных гостей.

— Валера, группируйся! Ноги к груди! — рявкнул Степан, когда высотомер показал критическую отметку. — Сейчас будет поцелуй с планетой! Глотай воздух, пока можешь!

В следующую секунду мир для них перестал существовать. Удар был такой колоссальной силы, что титановый корпус капсулы взвыл, как живое существо. Степана подбросило в ремнях, в глазах вспыхнули тысячи звезд, а в ушах раздался оглушительный хруст пробиваемого льда.

Потом наступила тишина. Холодная, мокрая и бесконечная. Капсула, пробив многосантиметровый лед, по инерции ушла глубоко под воду. И через мгновение в темноте отсека раздался первый ледяной всплеск. Вода, горько-соленая и обжигающая, начала просачиваться внутрь через поврежденные клапаны вентиляции, которые не были рассчитаны на работу водолазами.

Они были дома. Но этот дом сейчас пытался их утопить.

Ночь 16 октября 1976 года в Каргалжинском районе Казахской ССР навсегда врезалась в память тех, кто в ту пору не спал. Это была ночь, когда небо сошло с ума, а земля вздрогнула от поступи железа. Ледяной ветер, приходящий со стороны безжизненного, горько-соленого озера Тенгиз, гнал по степи колючую снежную крупу. Она не ложилась мягким ковром, а секла лицо, забивалась в складки одежды и превращала наезженные дороги в белесое, непролазное месиво. Жители немногочисленных поселков, затерянных в этой бесконечной степи, уже давно попрятались по домам, прижимаясь к теплым печам, когда привычную тишину разорвал гул, которого здесь не слышали десятилетиями.

Сначала это была лишь вибрация — тонкая, едва уловимая дрожь в оконных рамах, от которой испуганно задребезжала посуда в сервантах. Затем на горизонте, со стороны военного городка, показались мертвенно-белые лучи прожекторов, разрезающие метель. Колонна шла тяжело, надрывно, словно само пространство сопротивлялось этому вторжению. Огромные шестиколесные вездеходы и БТРы, ревя форсированными движками, пробивали глубокую колею в свежем снегу. Следом, лязгая гусеницами и выплевывая в морозный воздух клубы солярного дыма, шли тяжелые тягачи и ПТС — плавающие транспортеры, выглядевшие в ночи как доисторические чудовища.

Над колонной, почти прижимаясь к самой земле, чтобы не потеряться в бушующем бурене, шли вертолеты. Гул их винтов в плотном, промерзшем воздухе казался не звуком двигателя, а утробным рыком разъяренного зверя, который ищет свою добычу. — Мать честная, неужто началось? — старик-сторож на окраине одного из поселков, кутаясь в промасленный тулуп, испуганно перекрестился, прижимаясь спиной к ледяной стене сарая. — Опять войнушка? Опять сынкам под пули?

Люди выбегали на крыльцо в чем были: кто в наспех накинута ватнике на босу ногу, кто в нижнем белье, не обращая внимания на жалящий холод. Обосрались все знатно — зрелище было поистине апокалиптическое. В мирное время такая концентрация боевой техники могла означать только одно. В небе сквозь мглу бешено металась лучи вертолетных прожекторов, выхватывая из темноты то перекошенные лица солдат в кузовах, то бесконечную белую пустыню. Очевидцы наблюдали картину, которая не укладывалась в привычный быт: армия двигалась так, словно враг уже высадился на берег Тенгиза. По поселку мгновенно поползли слухи один страшнее другого — от начала войны до крушения неопознанного объекта, который прилетел напрямик из бездны.

Но на командном пункте спасательной операции в это время стоял такой лютый, многоэтажный мат, что от него должен был растаять снег в радиусе километра. — Первый, пошел! Проверь наст! — раздался в эфире хриплый, надтреснутый приказ.

Головной БТР-60, взревев спаренными двигателями, осторожно двинулся вперед, к черному, бездонному провалу озера. Задача была самоубийственной, граничащей с безумием: дойти по льду до примерного места падения и попытаться зацепить аппарат тросом. Машина медленно выползла на зыбкую поверхность. Гул моторов перекрывал свист ветра, а свет фар бессильно вяз в стене снегопада. Солдаты, находившиеся внутри, чувствовали, как под многотонной массой железа «дышит» лед. Тенгиз не был замерзшим озером в привычном понимании — из-за высокой концентрации соли вода превратилась в ледяную кашу, которая не держала вес.

Внезапно раздался звук, похожий на выстрел из тяжелой гаубицы — это лопнул лед под передними колесами. Многотонная машина мгновенно просела носом, как подкошенная. Черная, горько-соленая вода, пахнувшая гнилью и древней солью, тут же хлынула в открытые люки, обжигая людей смертельным холодом. БТР завалился на бок, беспомощно вращая колесами в пустоте, уходя кормой в маслянистую жижу. — Назад! Сдавай назад, утопишь машину! — орали с берега, размахивая фонарями и сигнальными ракетами.

Водитель-механик вцепился в рычаги до хруста в пальцах, пытаясь вырвать БТР из липких объятий озера. Только благодаря тому, что шедший вторым вездеход успел накинуть лебедку, «коробочку» выдернули назад на берег, едва она не стала братской могилой для десанта. Стало ясно: тяжелая техника по этому льду не пройдет. Тенгиз превратился в непроходимое месиво, которое засасывало всё, что имело вес.

В этот момент над полыньей, которую пробил спускаемый аппарат, завис Ми-8.

Снежный вихрь, поднятый винтами, окончательно лишил пилотов видимости — они словно оказались внутри гигантского стакана с молоком. Машину швыряло порывами ветра, как бумажный самолетик в руках хулигана. Борттехник, привязавшись страховочным фалом, высунулся в открытую дверь, пытаясь разглядеть хоть что-то в этом белом аду.

— Я — Седьмой, вижу проблески маяка! — прорвался сквозь шум голос пилота, сорванный от напряжения. — Попытаюсь зависнуть и сбросить трос! У нас минута, потом обледенение винтов нас самих в воду опрокинет!

Тяжелый стальной трос ушел в темноту, но озеро словно издевалось над спасателями. Трос хлестал по воде, цеплялся за ледяные торосы, закручивался спиралью, но не мог найти зацеп за гладкую поверхность капсулы. Ветер в 25 метров в секунду просто сносил многокилограммовую железку в сторону, превращая её в опасный маятник. Пилот пытался удерживать вертушку в режиме зависания, но из-за поднятого снега он полностью потерял пространственную ориентацию.

— Уходи! Срывайся! — рявкнул командир экипажа, когда вертолет едва не зацепил хвостовым винтом ледяной гребень. — Мы их просто раздавим, если на купол сядем! Уходим на берег!

Вертушки, мигая огнями, ушли на второй круг, бессильно растворяясь в метели. На берегу полковник в бессильной ярости сорвал с головы шапку и бросил её в снег. Железо пасовало перед стихией. Мощные двигатели, стальные тросы, радары — всё это оказалось бесполезным куском хлама перед волей озера.

А в нескольких километрах от берега, под трехметровым слоем ледяного крошева и ила, Степан и Валера уже не кричали. Они слышали, как по обшивке их спускаемого аппарата бьют не спасительные тросы, а куски льда, которые течение и ветер затягивали в полынью, утяжеляя их капсулу и вдавливая её всё глубже в вязкое дно. Внутри отсека воцарилась тишина, нарушаемая лишь свистом последнего кислорода в баллонах и тихим, зловещим журчанием воды. Она уже доходила до ложементов, вымывая последние остатки тепла из их тел.

Внутри спускаемого аппарата время превратилось в густой, липкий кисель. После удара об лед прошло несколько часов, но Степану казалось, что они гниют в этой железной банке уже вечность. Свет аварийных ламп окончательно сдох, оставив их в абсолютной, могильной темноте, которая давила на глаза не хуже многометровой толщи соленой воды. Воздух в капсуле стал тяжелым, сладковато-тухлым — смесью озона, гари и углекислого газа, который патроны регенерации уже не успевали вычищать.

Тишина была относительной. Снаружи глухо бились об обшивку куски льда, а внутри мерзко, слюняво журчало. Вода уже не просто капала, она уверенно прибывала, заливая щитки приборов и добираясь до ложементов. Обжигающий холод пробирался под комбинезоны, высасывая последние остатки тепла.

— Степа... ты живой еще? — голос Валеры звучал как шелест сухой полыни. В нем не было страха, только бесконечная, запредельная усталость.

— Живой, мать твою... — Степан попытался пошевелиться, но промокшие ремни впились в тело, как удавки. — Валера, не спать. Только не вздумай отключаться, слышишь? Если сейчас вырубись — уже не проснешься. Дыши короткими, неглубоко. Береги остатки.

Командир нащупал тангенту связи. Пальцы были ледяными и почти не слушались, превратившись в негнущиеся палки.

— Заря, я — Беркут... — он закашлялся, выплевывая горькую, соленую слюну. — Вы там что, все заснули на берегу? Мы тут скоро жабрами дышать начнем. Кислорода —

кот заплакал, в глазах уже круги со спичечный коробок. Чего молчите, суки?! Слышите нас?!

Эфир взорвался треском и воем метели. ЦУП прорвался сквозь буран, и голос оператора на том конце был на грани истерики, сорванный в хрип.

— Беркут! Слышим вас! Терпите, мужики, только терпите! Вертушки не могут зацепиться, сносит их к чертям, лед под техникой лопается, как стекло! Поисковики готовят плоты, пытаются вручную тросы тянуть, но всё обмерзает за секунды! Вы как? Какой уровень воды в отсеке?

— Какой уровень?! По самые помидоры уровень! — заорал Степан, и этот крик отозвался дикой, раздирающей болью в легких. — Валера уже почти плывет! Если через полчаса нас не дернете — пишите в отчете, что экипаж стал кормом для рыб в этой соленой луже! У нас люк заблокирован водой и льдом снаружи, вы понимаете это своим скудным умом?! Давление такое, что его хрен выбьешь изнутри, мы в ловушке! — Беркут, спокойно... — Заря пыталась говорить ровно, но голос дрожал от бессилия. — План такой: вертолет зайдет еще раз, на пределе риска. Попробуем спустить человека на тросе. Он должен зацепить крюк за парашютный узел. Это наш последний шанс до рассвета.

— Какой, нахер, человек в такую метель?! — Валера вдруг подал голос, в котором прорезалась злая, истеричная бодрость. — Вы его там убьете! Степа, скажи им, пускай не дурят! Мы тут сидим, как сельди в бочке, а они людей на мясо пускают! Заря, вы там в своем ЦУПе совсем берега попутали? У нас тут не бассейн, тут соленый лед и тьма, вертушку же об лед разможжит!

— Молчи, Валера... пускай пробуют, — Степан закрыл глаза. Мозг, лишенный нормального притока кислорода, начал подкидывать странные, яркие галлюцинации. Ему казалось, что он снова на «Горизонте», и станция пахнет не дымом, а раскаленной июльской степью.

— Степа, мне жарко... — прошептал вдруг Валера. Его пальцы судорожно, с противным скрипом заскребли по металлу обшивки. — Почему так жарко, Степа? Мы же в воде... Нам должно быть холодно...

— Это гипоксия, Валерка... мозг плывет, — Степан через силу, преодолевая сопротивление собственного тела, дотянулся до руки напарника и сжал её. — Держись за мою руку. Сильнее держись. Мы еще не всё сказали этим умникам на берегу. Не смей уходить, слышишь?

Снаружи раздался новый звук. Тяжелый, вибрирующий удар по корпусу, от которого зазвенело в черепе. словно огромный молот ударил по их капсуле, пытаясь вскрыть её. Аппарат качнуло, он просел глубже в ил, и вода внутри плеснула им в лица, обжигая солью глаза и забиваясь в рот.

— Слышишь? — Степан вскинул голову, жадно хватая ртом остатки воздуха у самого потолка. — Это они. Это трос ударил. Они рядом, Валера.

— Или это крышка гроба захлопнулась окончательно... — Валера хрипло, надсадно рассмеялся, и этот смех мгновенно перешел в удушливый, лающий кашель.

В иллюминаторе, затянутом густым слоем ила и ледяного крошева, на долю секунды мелькнул тусклый, мертвенный луч прожектора. Спасение было совсем рядом, буквально в метре от них, за непроницаемой стеной титана и ледяной бездны, но этот метр сейчас казался бесконечным.

— Заря... — Степан выдохнул в микрофон последние крохи кислорода, чувствуя, как сознание окончательно ускользает. — Мать вашу... тяните. Просто тяните нас отсюда.

На командном пункте, развернутом прямо в кузове штабного «Урала», стоял такой ор, что он перекрывал свист метели и надрывный рев дизелей снаружи. Полковник Савченко, начальник поисково-спасательной службы, вцепился в микрофон радиостанции так, что костяшки пальцев побелели. Лицо его, багровое от мороза, бессонницы и ярости, в свете тусклой салонной лампы казалось высеченным из куска скалы.

— Вы там что, в своем ЦУПе, совсем берега попутали?! — рявкнул он, и жила на его шее вздулась, как силовой кабель. — Какого, к черту, водолаза на вертушке?! Вы пилота спросили? Он в этом молоке горизонт не видит, у него приборы «пляшут»! Спустить человека на тросе в полынью, где винты создают такой вихрь, что лед в труху крошит и куски в лицо летят? Вы мне парня заживо в фарш превратить хотите? Дебилы, блядь, кабинетные! Там не работа будет, а казнь показательная! На том конце провода что-то пытались лепетать про «государственную важность», «сроки выживаемости экипажа» и «директиву сверху», но Савченко уже не слушал. Он швырнул трубку на стол, едва не разбив аппарат, и обернулся к своим офицерам, которые замерли, боясь дышать.

— Они там карты в тепле рисуют, стратеги хреновы, — прорычал он. — «Спустить на тросе»... Да его об край полыньи расшибет или об корпус капсулы приложит раньше, чем он до воды долетит. Вертушки — в сторону! Пускай кружат для подсветки, если керосина много. Работать будем с земли.

Савченко выскочил из машины прямо в снежную круговерть. Ледяной ветер тут же попытался сорвать с него шинель.

— Надувную лодку сюда! Живо! — скомандовал он. — Водолаз — ко мне!

Из темноты, подсвеченной фарами БТРов, вынырнул сержант в тяжелом прорезиненном гидрокостюме. Вид у парня был лихой и одновременно обреченный. Костюм на таком морозе уже начал дубеть, становясь похожим на рыцарские латы.

— Слушай сюда, боец, — Савченко схватил его за плечи, встряхивая. — На вертолете я тебя не пущу, я не убийца. Пойдете на резинке. Лед — полное говно, соленая каша. Лодка будет резаться об забереги, будете тащить её на руках, где припрет. Твоя задача — дойти до майны, нырнуть и зацепить этот гребаный крюк за парашютный узел. Понял? Вода — не сахар, там видимость нулевая, одна взвесь из ила и соли. Искать капсулу будешь на ощупь. Если промахнешься — второго шанса не будет, её засасывает.

Лодку спускали на лед под яростный вой ветра. Четверо спасателей, по пояс проваливаясь в ледяное крошева, толкали надувной борт вперед. Лед под ногами не просто трещал — он стонал и прогибался, выпуская на поверхность черную, маслянистую воду. Каждый метр давался с боем, через мат и хрип. Водолаз сидел в центре, вцепившись в стальной трос, который тянулся за лодкой с берега тяжелой пуповиной.

— Толкай! Толкай, суки, замерзнем же на хрен прямо тут! — орал старший группы, когда лодка в очередной раз застряла в торосах.

Борта лодки резались об острые края соляных льдин, воздух выходил с противным шипением, но они упрямо лезли к полынье, где в черном месиве изредка мелькал тусклый огонек маяка. Метель хлестала по лицам, соль выедала глаза, а дикий холод пробирал даже через спецкостюмы. Водолаз чувствовал, как конечности начинают

неметь еще до погружения — прорезиненная ткань защищала от влаги, но не от этого космического холода, который высасывал жизнь.

Наконец, они достигли края. Водолаз, коротко перекрестившись, перевалился за борт прямо в черную жижу Тенгиза. Вода была густой, как кисель, из-за поднятого со дна ила. В ней ничего не было видно даже с мощным фонарем — свет просто упирался в мутную стену. Сержант ушел под воду, и трос дернулся, уходя в бездну. Наступили самые долгие минуты в жизни Савченко. Пульс в висках отбивал чечетку, а секунды казались часами.

Водолаз внизу, в кромешной тьме, шарил руками по склизкому титану капсулы.

Пальцы в толстых перчатках почти ничего не чувствовали, а холод сковал грудную клетку так, что каждый вздох давался с трудом. Он продирался сквозь остатки строп парашюта, которые путались, как щупальца, пытаясь найти тот самый узел.

И вдруг — рывок. Трос, тянувшийся к лодке, натянулся и зазвенел, как гитарная струна. Из полыньи вынырнула рука в черной резине и показала замерзший большой палец. — Есть зацеп! Сработал, сынок! — заорали на берегу, и этот крик подхватили десятки глоток. — Заводи тягачи! Пошел натяг!

Савченко выдохнул, чувствуя, как по спине пробежал запоздалый, липкий озноб.

Дебилы из ЦУПа хотели авиационное шоу, а получили обычный мужицкий подвиг в ледяной грязи, совершенный вопреки всем уставам и законам физики.

— Тяни... — тихо шепнул полковник, глядя, как стальная нить начинает медленно вырывать космический корабль из цепких объятий мертвого озера.

На берегу Тенгиза наступил момент истины. Рев дизелей тягачей, до этого работавших на холостых, сменился натужным, утробным рыком. Стальной трос, уходящий в полынью, натянулся до звона, выжимая соленую воду из плетеной структуры.

Полковник Савченко стоял у самой кромки, игнорируя ледяную крошку, летящую в лицо. Он не кричал. Сейчас крик был лишним. Он поднял руку, внимательно следя за тем, как ведет себя стальная нить.

— Спокойно, мужики... Не рвать! — его голос, охрипший от мата и мороза, сейчас звучал на удивление тихо. — Это вам не бревно из болота волочь. Там внутри люди. Тянем плавно, как барышню под ручку ведем. По сантиметру!

Тягачи двинулись синхронно. Трос медленно, нехотя пополз из воды. Озеро не хотело отдавать свою добычу: ил держал капсулу мертвой хваткой, создавая колоссальное обратное давление. В какой-то момент показалось, что трос не выдержит — он запел на такой высокой ноте, что у стоявших рядом заложило уши.

— Стоп! Зафиксировать! — Савченко вскинул кулак. — Дайте ей вздохнуть, пускай ил осядет. Не торопись, а то корпус лопнет от натяжения.

Несколько секунд, показавшихся вечностью, капсула висела в этой неопределенности.

А затем раздался тяжелый, чмокающий звук — вакуум, державший аппарат на дне, наконец сдался. Из черной каши, раздвигая льдины, медленно показалась верхушка аппарата. Облепленная грязью, солью и обрывками строп, капсула выглядела жалко, но для Савченко она в этот момент была прекраснее любого произведения искусства. Она выходила из воды нежно, аккуратно, подчиняясь воле людей на берегу.

Когда аппарат наконец коснулся твердого берега, из-под него хлынула мутная, соленая вода. Обшивка, еще недавно раскаленная до тысяч градусов в плотных слоях атмосферы, теперь была покрыта коркой льда. Полковник первым подбежал к люку, но тут же осадил ретивых солдат, которые уже тянулись к замкам.

— Назад! Всем назад, мать вашу! — рявкнул он, отпихивая плечом сержанта. — Там декомпрессия! Вскроем рывком — добьем пацанов на месте, легкие лопнут! Савченко лично нащупал клапан выравнивания давления. Он действовал осторожно, как сапер на минном поле. Пальцы в промерзших перчатках чувствовали, как титановый металл едва заметно вибрирует от внутреннего напряжения. Он начал медленно откручивать вентиль. Из клапана с тонким, пронзительным свистом, похожим на крик чайки, вырвалась струя серого пара — вонючая, ядовитая смесь углекислоты, гари и испарений мертвого озера.

— Слышите? — Савченко замер, прислушиваясь к этому свисту. — Это воздух выходит. Ждем. Пока давление не выровняем, люк не трогать.

Минуты тянулись мучительно медленно. Свист постепенно перешел в шипение, а затем и вовсе затих. Внутри капсулы давление наконец сравнялось с внешним миром. Только теперь Савченко вставил спецключ в пазы замка люка. Металл заскрежетал, сопротивляясь въевшемуся льду и соли, но после третьего мощного усилия замок щелкнул.

Когда люк с тяжелым, влажным вздохом приоткрылся, изнутри вывалилось плотное облако густого пара. Савченко лично заглянул в этот сырой полумрак, где в лучах прожекторов плавали хлопья тумана.

— Живые есть?! — крикнул он, боясь услышать тишину.

— Ну ты и... шумный, полковник, — донесся из глубины слабый, захлебывающийся кашлем голос Степана. — Дай руку... Валерку сначала забирай, он совсем плохой, нахлебался этой дряни.

Савченко потянулся внутрь, хватая ледяную, мокрую руку в комбинезоне. Космонавты были бледные, как мертвецы, их трясло от жуткого холода и кислородного голодания, но они были живы. Когда Степана наконец вытащили на снег, он на секунду взглянул на черное небо, где среди туч еще догорали редкие искры — последние следы «Горизонта».

— В следующий раз... — прохрипел командир, жадно вдыхая колющий ледяной воздух Казахстана как самый чистый кислород. — Сажайте нас в Крым. У вас тут... слишком неуютно.

Савченко только крикнул, накидывая на плечи Степана свой тяжелый армейский полушубок. Битва за экипаж была окончена. Тягачи глушили моторы, и над Тенгизом впервые за эту ночь воцарилась тишина.

Узик санчасти немилосердно подпрыгивал на мерзлых кочках степи, встряхивая Степана и Валеру, словно мешки с крупой. Внутри тесного салона пахло спиртом, йодом и старой, потрескавшейся кожей сидений. Медики, чьи лица в полумраке казались восковыми масками, уже успели накинуть на космонавтов тяжелые колющие термоодеяла и влили в каждого по большой кружке обжигающего чая, в который кто-то щедрой рукой плеснул чистого медицинского спирта. Тепло возвращалось в тела болезненно: миллионами раскаленных иголок в затекших руках и ногах.

Их привезли в небольшой кирпичный корпус временного медпункта при военном аэродроме. Но вместо заслуженной тишины и сна в коридоре их встретил человек в штатском. Неприметный, в сером пальто, с идеально выбритым подбородком и холодными, как лед Тенгиза, глазами. По тому, как мгновенно вытянулись в струнку дежурные медики, стало ясно: приехал «Комитет».

— Поздравляю с возвращением, товарищи герои, — тихо произнес серый, присаживаясь на край табурета в смотровой. — Чай пейте, не отвлекайтесь. У меня к вам пара ненавязчивых вопросов. Нам нужно восстановить хронологию до секунды. Нам нужно понять, в какой момент «Горизонт» перестал быть гордостью страны и стал стотонной угрозой.

Степан, всё еще бледный, с красными от соли и едкого дыма глазами, тяжело посмотрел на него через пар от кружки.

— Моя станция... Где она? Куда упал «Горизонт»? — его голос сорвался на хрип. — Мы никого не пришибли?

Серый едва заметно улыбнулся и раскрыл папку с гербом.

— Можете выдохнуть, Степан Иванович. Ваша «дура», как вы её ласково в эфире называли, никого не задела. Основной блок связи и массивные аккумуляторы сгорели еще на тридцати километрах, рассыпались в пыль. Оставшиеся фрагменты, тонн тридцать чистого железа, ушли в солончаки в сорока километрах к востоку от вашей полыньи. Там на сотню верст только суслики и горькая соль. Разрушений нет. Даже трактор в ближайшем колхозе не поцарапало.

Валера, сидевший на соседней кушетке, закрыл лицо дрожащими ладонями.

— Слава богу... — прошептал он. — Мы до последнего думали, что на поселок вынесло.

— Не вынесло. Но теперь давайте к деталям, — серый голос стал жестче, в нем прорезался металл. — Кто из вас первым почуял неладное? Кто «нюхал» гарь, а кто проспал начало аварии?

Степан прижал горячую кружку к груди, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

— Я спал. Моя смена должна была начаться через два часа. Проснулся не от звука, а от запаха. Знаете, это не просто дым. Это запах ада. Сладковатый, липкий, как если бы вы жарили пластиковую бутылку на сковороде с сахаром. Литий. Если почуял этот аромат — значит, защитные оболочки аккумуляторов в хвостовом отсеке прогорели насквозь. Я крикнул Валере, но его в жилом модуле не было.

— Я в это время был у навигационной стойки в центральном посту, — подхватил Валера, судорожно сжимая свою кружку. — Сначала был звук. Тонкий такой, звенящий свист, словно станция превратилась в огромную гитарную струну. Воздух свистел сквозь игольное ушко в переборке. Я к приборам — а там чехарда. Станцию начало вести, гироскопы выли на пределе. Я хотел дать корректировку двигателями, и тут под ногами... «Пык». Не взрыв, а именно хлопок, тяжелый и глухой. Вибрация пошла такая, что у меня зубы занули. И сразу зуммер — злой, захлебывающийся.

— Значит, сначала звук, потом запах, потом хлопок, — серый быстро записывал в блокнот. — А автоматика? Почему не сработал автоматический сброс блоков?

— Потому что всё ваше «умное» железо сдохло первым! — Степан ударил кулаком по колену. — Напряжение на главной шине упало до нуля за доли секунды. Всплеск тока был такой силы, что распределительные щиты просто испарились. Я лез по центральному коридору в полной темноте, дым был такой плотный, что его можно было резать ножом. Фонарик не пробивал и на полметра. Валера орал, что связь сдохла. Мы пытались вручную перекинуть питание, но рубильники просто вылетали из гнезд — там внутри уже металл тек рекой!

Чекист кивнул, не поднимая глаз от записей.

— Вы понимаете, что «Горизонт» нес на борту шифровальную аппаратуру особой важности? Вы видели, как отделялись секретные блоки? Или они могли уцелеть и упасть в озеро?

Степан горько усмехнулся, глядя на свои обожженные ладони.

— В том аду, когда нас плазма за бортом облизывала? Я видел в иллюминатор только, как наши многометровые солнечные панели ломаются и горят, как сухая солома. Но я вам так скажу: я лично вырывал чеку ручного отстрела и корректировал траекторию так, чтобы эта груда железа ушла подальше от людей. Если ваши секретные блоки не сгорели в стратосфере — значит, они сейчас представляют собой куски оплавленного шлака в солончаках. В ил Тенгиза они не ушли, за это я головой ручаюсь.

Сотрудник КГБ молча закрыл блокнот и встал. Он поправил воротник своего серого пальто и внимательно посмотрел на обоих.

— Отдыхайте. Самолет до Москвы будет через шесть часов. Там, в Звездном городке, комиссия будет еще дотошнее меня. Будут спрашивать про каждую гайку, про каждый вздох. И да... за озеро — спасибо. Что не в ил ушли, и что сами живы остались.

Когда тяжелая дверь за ним закрылась, Степан откинулся на подушку и посмотрел в заиндевшее окно. Там, в предутренних сумерках, уже не было огненных хвостов и падающих звезд. Только бескрайняя, тихая казахская степь, которая вчера едва не стала их общей могилой.

— Слышь, Степа... — тихо позвал Валера. — А ведь мы реально вернулись.

— Вернулись, Валерка. Допивай чай и спи. В Москве нам еще долго не дадут закрыть глаза.

Эпилог: Заключение № 07/16-К

Зал заседаний в Звездном городке встретил Степана и Валеру гробовой тишиной.

Здесь не было метели, не пахло солью и гарью, а воздух был стерильно-сухим, пропитанным запахом казенного сукна и дорогого табака. За длинным полированным столом сидели «зубры» космической промышленности, академики и те самые люди в погонах, чьи фамилии никогда не назывались в открытой печати.

В центре стола, на красной бархатной подложке, лежал бесформенный, обгоревший кусок оплавленного металла и керамики — всё, что удалось выковырять поисковикам из фрагментов «Горизонта», найденных в солончаках.

— Итак, товарищи, — начал седой академик, медленно постукивая карандашом по столу. — Мы закончили техническую экспертизу дублирующей партии аккумуляторов из той же серии, что стояла у вас на борту. И картина, мягко говоря, удручающая. Он поднял очки на лоб и посмотрел на Степана тяжелым, измученным взглядом.

— Вы спрашивали в своих рапортах, почему автоматика отстрела не сработала в штатном режиме. Ответ прост: она сгорела первой. Экспертиза показала, что в данной партии литий-ионных ячеек был допущен грубейший технологический брак при сборке сепараторов. Изоляция между слоями внутри банок оказалась на доли микрона тоньше расчетной. В условиях земного стенда, в комфортных температурах, они работали идеально, но космос... космос вскрыл всё.

Академик нажал кнопку на проекторе. На экране появилось микроскопическое изображение структуры батареи, испещренное темными пятнами.

— Под воздействием жесткого космического излучения полимер сепаратора начал стремительно деградировать. Он потерял эластичность и стал хрупким, как старая сухая газета. А когда станция прошла через зону солнечной активности и получила тот самый электромагнитный импульс — наведенные токи просто «прошили» эту

истончившуюся преграду. Произошел мгновенный внутренний пробой сразу в нескольких секциях.

— Мы тут все, честно говоря, репу чешем, — подал голос грузный генерал из министерства обороны, сидевший по правую руку от председателя. — Как эта дрянь вообще у вас полгода проработала и не рванула раньше? По всем законам физики, вы должны были полыхнуть еще на первой неделе после стыковки.

Степан молча смотрел на оплавленный кусок батареи, вспоминая тот самый «сладковатый» запах в отсеке.

— Батарея изнашивалась в пять раз быстрее графика, — продолжал академик. — Химический износ шел по экспоненте, скрыто от датчиков. Вы фактически жили на огромной пороховой бочке, которая тикала всё громче с каждым витком. То, что вы успели среагировать и активировать ручной отстрел в тот короткий зазор в несколько секунд между первым замыканием и полным термическим разгоном — это даже не везение. Это статистическая погрешность и ваша интуиция.

В зале повисла тяжелая, гнетущая пауза. Все присутствующие понимали: за этим «браком партии» стоят чьи-то подписи в актах приемки, чьи-то премии за «рационализацию» и чья-то преступная халатность. Но сейчас, глядя на осунувшихся, серых от усталости космонавтов, об этом не решались говорить вслух.

— Решение государственной комиссии будет следующим, — чекист, сидевший с краю стола, закрыл свою папку с тихим щелчком. — Причиной аварии признать скрытый конструктивный дефект системы бортового питания, неустранимый в условиях полета. Действия экипажа «Беркут» признать единственно верными и героическими в сложившейся ситуации. Благодаря вашему решению идти на ручном управлении до самого конца, секретная аппаратура была уничтожена в атмосфере, не попала к вероятному противнику и, что самое важное, падение фрагментов не принесло жертв среди населения.

Он встал и впервые за всё время допросов и бесед протянул Степану руку.

— Но в космос вы больше не полетите, Степан Иванович. И вы, Валерий Георгиевич, тоже. Организм после такой декомпрессии, гипоксии и солевых ванн в Тенгизе... сами понимаете. Стране нужны живые легенды, а не инвалиды на орбите. Ваше здоровье — теперь государственное достояние.

Когда они вышли из здания на свежий воздух Звездного городка, Валера глубоко вдохнул полной грудью и посмотрел на свои руки, которые больше не дрожали.

— Значит, сепаратор... — тихо сказал он, щурясь от яркого солнца. — Из-за какой-то тонкой пленки мы чуть не стали частью нового созвездия. Столько железа, столько лет труда — и всё из-за бракованной изоляции.

— Станцию жалко, — Степан достал папиросу и долго, сосредоточенно пытался зажечь её на ветру. — Она ведь до последнего боролась. Свистела нам, предупреждала, как живая... А виноваты оказались те, кто на бумаге цифры подправил и на материалах сэкономил.

Он наконец затаился и посмотрел вверх, в чистое, пронзительно-голубое дневное небо. Звезд не было видно, но Степан знал — они там. Холодные, равнодушные и абсолютно беспощадные к любой, даже самой крохотной человеческой ошибке. Глава «Горизонта» была закрыта навсегда.

